

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.033-041

Ф. И. Хамидуллина*,
А. Ш. Галимов**

Преемственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению

Аннотация. В статье предложено теоретическое обоснование некоторых предметных конструкций, составивших цивилистическое наследие прошедших периодов и заложенных в основу современной интерпретации правоотношений по неосновательному обогащению. Проведен анализ преемственности в развитии правоотношений по неосновательному обогащению. Показано, что правоотношения по неосновательному обогащению имеют системное значение для действующего правопорядка. Они находятся в весьма обширной правовой области требований, направленных на возмещение ущерба, и являются цивилистическими правоотношениями охранительного типа.

Будучи реальным социальным явлением и одновременно цивилистической категорией, правоотношения по неосновательному обогащению допускают анализ: а) с позиций экономики; б) с юридических позиций; в) с позиций справедливости (в идеале должны совпадать с юридическими позициями, что на практике достижимо не всегда).

Преемственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению, выраженная в динамике их историко-правового развития, обеспечивает вариативность, постепенное усложнение форм и вместе с тем постоянство базовой этико-правовой идеи запрета неосновательного обогащения.

Маркерами преемственности являются: 1) общий принцип, лежащий в основе соответствующего обязательства; 2) формальные и содержательные критерии определения неосновательности в процессе обогащения; 3) возможные инструменты (формы, способы и средства) защиты нарушенных прав.

Определяя каждый из перечисленных элементов применительно к тому или иному этапу экономического и правового развития общества, мы получаем общую картину преемственности, которая в прогностических целях может быть экстраполирована на перспективу развития института версионного иска в отечественной правовой системе.

Ключевые слова: право; историко-правовое развитие; преемственность; цивилистика; цивилистическая доктрина; неосновательное обогащение; кондикция; кондикционные обязательства; версионные иски.

Для цитирования: Хамидуллина Ф. И., Галимов А. Ш. Преемственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 33–41. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.033-041.

© Хамидуллина Ф. И., Галимов А. Ш., 2023

* Хамидуллина Фарида Ильдаровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
inbox7575@inbox.ru

** Галимов Артур Шафкатович, начальник Управления кадров Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
asgalimov@kpfu.ru

Continuity in the Interpretations of Legal Relationships in the Case of Unjustified Enrichment

Farida I. Khamidullina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
inbox7575@inbox.ru

Arthur Sh. Galimov, Head of the Personnel Department, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
asgalimov@kpfu.ru

Abstract. The paper provides a theoretical justification of some substantive constructions that have constituted the civilistic heritage of the past periods and have laid the basis for the modern interpretation of legal relations concerning unjustified enrichment. The paper analyzes the continuity in the development of legal relations regarding the concept of unjustified enrichment. The author has shown that legal relations on unjustified enrichment are of systemic importance for the current law and order. They are located in a very extensive legal field of claims aimed at compensation for damage, and they represent civil law relations of a protective type. Being a real social phenomenon and, at the same time, a civilistic category, legal relations in unjustified enrichment can be analyzed: a) from the standpoint of economics; b) from a legal standpoint; c) from the standpoint of justice (they should coincide with legal standings, which in practice is not always achievable). Continuity in the interpretations of legal relations concerning unjustified enrichment expressed in the dynamics of their historical and legal development provides variability, gradual complication of forms and, at the same time, the constancy of the basic ethical and legal idea of the prohibition of unjustified enrichment. Markers of continuity include: 1) the general principle underlying the corresponding obligation; 2) formal and substantive criteria for determining the groundlessness in the enrichment process; 3) possible tools (forms, methods and means) for the protection of violated rights. Defining each of the listed elements in relation to a particular stage of the economic and legal development of society, we get a general picture of continuity, which for prognostic purposes can be extrapolated to the perspective of the development of the institution of a version claim in the domestic legal system.

Keywords: law; historical and legal development; continuity; civil law; civil doctrine; unjustified enrichment; *condictio-claim*; *condictio obligations*; version claims.

Cite as: Khamidullina FI, Galimov AS. Preemstvennost v interpretatsiyakh pravootnosheniy po neosnovatel'nomu obogashcheniyu [Continuity in the Interpretations of Legal Relationships in the Case of Unjustified Enrichment]. *Lex russica*. 2023;76(8):33-41. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.033-041. (In Russ., abstract in Eng.).

Берущий свое начало в правовом порядке Древнего Рима, институт неосновательного обогащения на протяжении столетий остается столь же востребованным, сколь и спорным. Его правовое содержание имеет формально-догматические, экономические и нравственные предпосылки, непосредственно касается самого широкого круга участников гражданского оборота, зачастую сопряжено с защитой государственных интересов и может получать как одобрительную, так и неодобрительную реакцию в обществе, в зависимости от его моральных установок и этических предпочтений.

Характерно, что всё это наблюдается не только в отечественной юрисдикции. В правоприменительную проблему неосновательного обогащения в режиме постоянного поиска над-

лежащего баланса, гармонизации интересов вовлечены суды многих стран, с типологически разными национальными правовыми системами¹. Задача нередко осложняется нетривиальными фактическими обстоятельствами.

Например, по мере широкого распространения тестов ДНК появились и участились иски по поводу обманов в отцовстве, возникающие из таких житейских ситуаций, когда неразрывно соединены не только юридические, но и биологические, и психологические, и социальные аспекты отношений между мужчиной и женщиной. Мужчины, которые оказались обманутыми и на протяжении весьма продолжительного времени несли расходы на содержание генетически чужого ребенка, требуют компенсации значительных финансовых затрат, опираясь в

¹ Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / ed. H. Koziol. Wien : Jan Sramek Verlag, 2015. URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/33062> (дата обращения: 27.06.2023).

том числе и на нормы о неосновательном обогащении.

Однако такая позиция, будучи формально приемлемой, изначально не лишена противоречий с интересами ребенка, ибо фактически на него, создавая угрозу его благополучию, переносится бремя последствий поведения матери. В свою очередь, в каком-то отношении оно может быть и морально оправданным — скажем, с позиций обычной житейской логики нельзя исключить, что обман относительно отцовства был продиктован именно заботой об интересах ребенка, которому, несомненно, лучше получать содержание от мужчины, гораздо более финансово состоятельного, чем биологический отец².

Вместе с тем и сугубо догматический, формальный аспект правоотношений по неосновательному обогащению не является в достаточной степени определенным в плане однозначного ответа на такие вопросы, как, например, что считать предметом обогащения, как быть с обогащением «за счет другого лица» в цепочке сделок, как толковать само понятие «основания обогащения» и возможен ли некий исчерпывающий их перечень, закрепленный законодательно; при каких обстоятельствах обогащение не может быть востребовано у приобретателя и до какой степени поддается формализации круг таких обстоятельств, поддается ли в принципе и т.д., и т.п.

В поисках правоприменительных и доктринальных решений обозначенной выше проблематики считаем целесообразным обратиться к рассмотрению преемственности в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению, с той или иной степенью детализации прослеживая путь историко-правового развития данного института. Этот познавательный процесс основывается на двух неразрывно связанных позициях — обобщенно-философской и практически-конкретизированной.

Так, рассуждая философски-образно, мы могли бы сказать, что представления об исто-

рико-правовом развитии правовых явлений позволяют нам мысленно прочертить ось времени, уходящую в исчисляемое годами и столетиями прошлое, в целях надежной реконструкции и наиболее полной и правильной интерпретации настоящего, наличного состояния правового регулирования, которое, в свою очередь, может быть определенным образом спроецировано и в будущее. «Всё, что происходит сегодня, реализуемо и реально лишь постольку, что ранее для этого сложились (открылись) соответствующие возможности»³. Дать анализ историко-правового развития с этих позиций — значит восстановить «живую ткань линий, неправильных и извилистых, переплетающихся самым разнообразным и неожиданным образом»⁴.

Помимо обобщенно-философского, у историко-правовой динамики есть и сугубо практический аспект, показывающий на примере конкретных памятников правовой письменности (а под ней мы подразумеваем нормативные правовые акты прошлых периодов, некогда бывшие действующим правом) пути формирования определенной устойчивости правовых норм, идей и отношений, во многом объясняющих реалии современного правового порядка.

Детальный анализ в этом направлении потребовал бы выхода за рамки настоящей статьи, поэтому ограничимся лишь своего рода дайджестом — обзором, содержащим краткую информацию, хотя и позволяющим сформировать общее представление о преемственности в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению. В свою очередь, в перспективе это может послужить формированию новых доктринальных и правоприменительных позиций, повышающих регулятивный потенциал института неосновательного обогащения.

В порядке предуведомления заметим, что речь пойдет о российской цивилистической доктрине и российском правопорядке. Исторически сложилось так, что отечественное правоведение было создано русской университет-

² Дробышев П. Обман в отцовстве: обзор современных идей и судебной практики // URL: <https://www.readcube.com/articles> (дата обращения: 27.06.2023).

³ Розов Н. С. Философско-антропологические основания политико-правовой регуляции будущего миропорядка // Интелрос. 2013. № 2. URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyacii-buduschego-miroporyadka.html?ysclid=16kmefd6kg583272033 (дата обращения: 16.05.2022).

⁴ Резниченко А. И. Кареев Николай Иванович // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 217. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff86c1742c788a9ed5da> (дата обращения: 16.05.2022).

ской наукой XIX в., испытавшей существенное влияние немецкой правовой мысли. Интересующие нас правоотношения по неосновательному обогащению, восходящие к древнеримскому правопорядку, исключением не являются.

Дело в том, что именно из Германии были приглашены первые профессора для чтения лекций, в том числе и по римскому праву, на факультетах нравственно-политических наук, где готовили правоведов и чиновников, а профессура императорских университетов — Дерптского (впоследствии Юрьевского), Московского, Казанского, Санкт-Петербургского — участвовала в деятельности ученых сообществ Германии, созданных для обсуждения вопросов, порождаемых практикой, в первую очередь в области частного права (торговля, ценные бумаги и др.)⁵. Как следствие, отечественный правовой институт неосновательного обогащения на протяжении двух последних столетий — с первой трети XIX в. вплоть до настоящего времени — и в доктринальном осмыслении, и в плане позитивно-правового закрепления имеет некоторое типологическое сходство с соответствующим германским институтом.

Таким образом, если в континентальной правовой традиции римское частное право обрело своего рода ренессанс в форме рецепции, то российская гражданско-правовая наука была ориентирована на восприятие и толкование пандектного учения, переноса идей германских цивилистов в учебную и научную литературу.

Поскольку всякая преемственность является поступательным ходом, демонстрирует некое движение в порядке последовательности от одного к другому, основанное на переходе чего-либо непосредственно от одного к другому, постольку и для характеристики преемственности важно выбрать адекватные точки отсчета. Применительно к правовому материалу такими ориентирами могут стать либо законодательные, либо доктринальные положения, на основе анализа которых можно сделать выводы о темпах эволюции того или иного феномена.

В интересующем нас случае правоотношений по неосновательному обогащению точкой отсчета преемственности должна стать имен-

но доктрина, ибо в дореволюционный период развития отечественного гражданского права данные правоотношения позитивно-правового закрепления не получили, но по факту были признаны и правовой доктриной, и судебной практикой, использовавшей при необходимости подходы, закрепленные в источниках римского права либо выработанные в трудах германских цивилистов.

Так, безусловный приоритет доктринального осмысления правоотношений по неосновательному обогащению, установления их общей природы и юридического значения в координатах отечественного правопорядка, по нашему мнению, принадлежит Д. Д. Гримму (1864–1941). В Санкт-Петербургском университете он учился у виднейшего германского специалиста по римскому праву Генриха Дернбурга, затем служил в Четвертом департаменте Правительствующего Сената, а впоследствии перешел в *alma mater* для подготовки к профессорскому званию и с «ученой целью» был на четыре года командирован в Берлинский университет⁶.

Неосновательное обогащение, по определению Д. Д. Гримма, — это тот плюс, который образуется, когда к составу имущества лица присоединяются новые блага денежной ценности без выделения соответствующего эквивалента⁷.

Как видим, такое определение указывает на следующие характеристики неосновательного обогащения:

- 1) само по себе, как увеличение или уменьшение количества богатств, это явление экономическое, и подчиняется оно своеобразным законам, отличным от юридических;
- 2) данное экономическое явление может приобретать юридическое значение и иметь юридические последствия при определенных обстоятельствах, которые показывают, было ли обогащение неотъемлемым и правомерным, либо, напротив, неправомерным и отъемлемым;
- 3) юридическое и экономическое значение обогащения между собой связаны через идею эквивалентности.

Согласно учению Д. Д. Гримма, под понятие обогащения в широком его смысле подпадает

⁵ Желдыбина Т. А. Правоведение Германии и России (историко-сравнительное исследование) // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 3 (19). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 27.06.2023).

⁶ Гримм Давид Давидович // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/45-grimm-david-davidovich.html> (дата обращения: 27.06.2023).

⁷ Гримм Д. Д. Очерки по учению об обогащении. Выпуск первый. Дерпт : Типография Шнакенбурга, 1891. С. 9.

любое увеличение имущества лица, будь оно результатом его личной деятельности (например, новое ценное изобретение), следствием случая (например, захват никому не принадлежащих вещей). В тесном же смысле, представляющем для юристов наибольший интерес, следует рассматривать лишь обогащение одного лица за счет других лиц.

Итак, увеличение имущества одного лица предполагает уменьшение имущества другого лица, что может быть осуществлено в двух формах:

- 1) как чистое обогащение, когда потерпевшая сторона никакого вознаграждения, никакого эквивалента взамен утраченного блага не получает (дарение, растрата и т.п.);
- 2) как модифицированное обогащение, когда происходит обмен благ, но неравноценных — ценность одного из них превышает ценность другого (например, ростовщический процент, покупка дорогой вещи по незначительной цене).

Далее, по классификации Д. Д. Гримма, обогащение может быть прямым или косвенным, непосредственным или производным. Так, при косвенном обогащении, в отличие от прямого *inter partes*, лицо извлекает экономическую выгоду опосредованно, например из возмездного отчуждения плодов, а при производном обогащении имущество переходит от одного лица к другому с помощью третьего лица.

Основаниями обогащения Д. Д. Гримм называет: а) действия сторон; б) юридическую сделку; в) результат фактических действий, если при этом лицо действовало добросовестно (*titulo putativo*); г) судебное решение; д) случай⁸.

Отметим, что в рассматриваемых ситуациях обогащения невольно возникает некая аналогия с физическим законом сохранения материи, сформулированным М. В. Ломоносовым в письме Леонарду Эйлеру от 5 (16) июля 1748 г.: «Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется к какому-либо телу, столько же теряется у другого»⁹.

Тем не менее Д. Д. Гримм показывает, что в ситуации обогащения это не так. Объективная ценность блага, составляющего предмет обогащения, сама по себе не является ни мерилom убытка потерпевшего лица, ни показателем размера обогащения другой стороны. «Размер обогащения одного лица на счет другого, — утверждает Д. Д. Гримм, — не может быть определен путем простого установления объективной ценности блага, служащего предметом обогащения, а тем менее путем отождествления его с размером убытка потерпевшего лица»¹⁰. Используя современную терминологию, можно было бы сказать, что вопрос соотношения между обогащением лица и убытком другого, по Д. Д. Гримму, принадлежит к области дискреции правоприменителя.

Версионным искам посвящен отдельный раздел учения Д. Д. Гримма. Так, в качестве доказательств существования самостоятельной *actio de in rem verso* приводится ряд общих формул римского права и частных решений римских юристов, подтверждающих такую самостоятельность. На основании приведенных данных, с подробнейшей казуистикой вопроса Д. Д. Гримм приходит к выводу, что «римское право в данном случае, как и во многих других, остановилось на полдороге и, признав введение этого иска желательным в принципе, отвело ему лишь весьма ограниченную область применения»¹¹.

На анализируемом этапе преемственность интерпретаций неосновательного обогащения усматривается нами в том, что их догматический разбор, осуществленный в учении Д. Д. Гримма, послужил основой для последующих законодотворческих работ в данной области. Например, отдельные доктринальные положения были восприняты на проектом уровне, в ходе подготовки Гражданского уложения¹².

Однако их полноценной реализации в позитивном праве суждено было состояться позже, на следующем этапе динамического эволюционного развития института неосновательного обогащения в отечественном правовом порядке — в 1922–1964 гг.

⁸ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 10–14.

⁹ URL: <https://www.culture.ru/events/1237316/onlain-informacionnyi-chas-m-lomonosov-vpervye-sformuliroval-vseobshii-estestvennyi-zakon#> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁰ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 19.

¹¹ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 147.

¹² Гербутов В. С. Эволюция обогащения. К учению об обогащении по российскому праву // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12, № 2. С. 36–60.

Как известно, они знаменовали собой советский период в истории российского гражданского законодательства, цивилистической доктрины и судебной практики, когда частная собственность отвергалась принципиально. Поэтому характеристику «полноценная» мы используем здесь с некоторой долей условности, так как в данный период по политико-правовым причинам смены государственно-правового строя в России термин «обогащение» стал нежелательным, и его всячески стремились избегать, притом что базовая правовая идея данного института, равно как и его догматика, были в целом сохранены и в той или иной форме, адаптированной к реалиям социалистического строя, нашли воплощение в нормах Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.

Так, его статьями 399–402 было установлено, что обогатившийся за счет другого без достаточного установленного законом или договором основания обязан возратить неосновательно полученное, в том числе и тогда, когда основание обогащения отпадет впоследствии. Кроме того, неосновательно обогатившийся обязан возратить или возместить все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из неосновательно полученного имущества с момента, когда он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. С того же времени у него возникала обязанность отвечать за произведенное или допущенное им ухудшение имущества. До этого момента он отвечает лишь за умысел и грубую небрежность. Со своей стороны, он вправе требовать возмещения произведенных им необходимых затрат на имущество с того времени, с которого он обязан возратить доходы. Не вправе требовать возврата уплаченного исполнивший обязательство, хотя бы лишенное исковой силы, но не являющееся недействительным в силу закона. Обогатившийся за счет другого лица, вследствие противозаконного или направленного в ущерб государству действия этого лица, обязан внести неосновательно полученное в доход государства¹³.

Анализируя данное правовое регулирование, Е. А. Флейшиц подчеркивала, что слово «обогащение» связано с отношениями, основанными на частной собственности, а потому термин «обязательство из неосновательного обогащения» представляется неточным: в капиталистическом обществе, где есть частная собственность, всякое обогащение является обогащением за счет другого, ибо капиталисты всегда обогащаются не иначе как за счет эксплуатируемого класса трудящихся. Взамен были предложены термины «неосновательное приобретение» или «неосновательное получение имущества», а пока в научный оборот они введены не были, чаще всего употреблялось словосочетание «обязательства из так называемого неосновательного обогащения»¹⁴. Они, как писала Е. А. Флейшиц, «являются гражданско-правовым средством защиты социалистической собственности или производной от нее личной собственности» и в ряде случаев применяются, когда предъявление требований о возмещении вреда или виндикации невозможно¹⁵.

Аналогичную позицию находим и у других авторов. Например, В. А. Рясенцев указывал, что с ликвидацией частной собственности в СССР была уничтожена и почва для обогащения, поскольку сама социалистическая природа социалистических организаций с обогащением несовместима — в отличие от оправданности данной конструкции в капиталистическом обществе, основанном на частной собственности. В советских же условиях термин «неосновательное обогащение» действительным экономическим отношениям в стране совсем не отвечает, а потому ситуацию перехода ценностей без достаточного установленного основания целесообразно обозначать с помощью таких терминов, как «обязательство из неосновательного получения (приобретения) или получения недолжного»¹⁶.

Преемственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению интересно прослеживается в специальном исследовании В. С. Гербутова¹⁷. За основу кри-

¹³ Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/grk_22 (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁴ Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюриздат, 1951. С. 209–211.

¹⁵ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 221.

¹⁶ Приводится по: Гербутов В. С. Эволюция обогащения. К учению об обогащении по российскому праву // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12, № 2. С. 49.

¹⁷ Гербутов В. С. Указ. соч. С. 36–60.

тического юридического анализа процессов становления данного института, начиная с XIX в. автор берет германскую доктрину того времени, учитывая названное нами выше обстоятельство ее влияния на отечественную правовую мысль, а значит, и на законодательство, и на практику его применения. Далее в сравнительно-сопоставительной ретроспективе рассматриваются положения российской правовой доктрины и нормы о неосновательном обогащении, впервые воплощенные в позитивном гражданском праве советского периода. Делается общий вывод, что на этом этапе догматического развития кондикционных обязательств в отечественном праве есть различия между вновь закрепленной конструкцией и ранее существовавшей в доктрине классической моделью, хотя базовая правовая идея запрета неосновательного обогащения в целом сохранена. Если ранее в основание возникновения обязательства и его предмета было положено неосновательное обогащение в виде разницы между состоянием имущества лица, предшествующим наступлению события обогащения, и последующим его состоянием, то теперь говорилось о полученном, то есть об уже приобретенном или сбереженном имуществе, с прибавлением извлеченных с определенного момента доходов, но и за вычетом необходимых расходов, понесенных на содержание имущества¹⁸.

Рассмотрев основные положения учения Д. Д. Гримма о неосновательном обогащении в том же сравнительно-сопоставительном ключе, В. С. Гербутов отмечает его сходство с германской правовой традицией и полагает, что их общий подход может быть назван «совокупно-имущественным». Экономическим реалиям своего времени данный подход отвечал в полной мере, тогда как в современных условиях более предпочтителен другой подход, а именно предметно-ориентированный.

Характеризуя этот подход, В. С. Гербутов указывает, например, на то, что в классическом учении Д. Д. Гримма никак не отражены услуги. Между тем доктрина того времени обращала внимание на возможность возникновения обогащения также и в тех случаях, когда имели место фактические обстоятельства, которые повлекли получение лицом выгоды, напрямую не связанной с изменением прав

и обязанностей лица как таковым. Иными словами, признавалась возможность расширительного толкования: не только собственно имущество, но также и имущественная выгода, вне зависимости от ее конкретного содержания, в определенных ситуациях могла быть квалифицирована как неосновательное обогащение.

За подобными ситуациями постепенно закрепился термин «сбережение», подразумевающий, в частности, такое пользование чужой вещью или услугой, когда в результате не пришлось нести определенные расходы, на сумму которых было бы уменьшено имущество лица, если бы пользование чужой вещью либо услугой не состоялось. Получается, что, воспользовавшись услугой, лицо смогло сберечь некие средства, обогатившись за счет освобождения от необходимости нести расходы.

Итак, к случаям сбережения относится получение работ, услуг и пользование имуществом, а к случаям приобретения — получение того или иного блага (имущественного права, владения вещью и т.д.).

Принимая во внимание, что современную экономику называют экономикой услуг, следует признать, что аспект сбережения в толковании правоотношений по неосновательному обогащению имеет не меньшую значимость, чем аспект получения.

Таким образом, суть предметно-ориентированного подхода к ситуации неосновательного обогащения состоит в том, что конститутивно важен сам факт получения ценности, а не изменения в совокупном имуществе обогатившегося лица¹⁹. При совокупно-имущественном подходе обогащением признается разница между состоянием имущества лица, предшествующим наступлению события обогащения, и последующим, разница между его активом и пассивом перед событием обогащения и по наступлении последнего. При предметно-ориентированном подходе в категорию обогащения включены случаи приобретения и сбережения имущества, которые конституируются не собственно приобретением или сбережением, а самим фактом получения ценности (блага).

Теперь подведем некоторые итоги.

Правоотношения по неосновательному обогащению имеют системное значение для действующего правопорядка. Они находятся в

¹⁸ Гербутов В. С. Указ. соч.

¹⁹ Гербутов В. С. Указ. соч.

весьма обширной правовой области требований, направленных на возмещение ущерба, и являются гражданскими правоотношениями охранительного типа.

Будучи реальным социальным явлением и одновременно гражданственной категорией, правоотношения по неосновательному обогащению допускают анализ:

- а) с позиций экономики;
- б) с юридических позиций;
- в) с позиций справедливости (в идеале должны совпадать с юридическими позициями, что на практике достижимо не всегда).

Преемственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению, выраженная в динамике их историко-правового развития, обеспечивает вариативность, постепенное усложнение форм и вместе с тем посто-

яństwo базовой этико-правовой идеи запрета неосновательного обогащения.

Маркерами преемственности являются:

- 1) общий принцип, лежащий в основе соответствующего обязательства;
- 2) формальные и содержательные критерии определения неосновательности в процессе обогащения;
- 3) возможные инструменты (формы, способы и средства) защиты нарушенных прав.

Определяя каждый из перечисленных элементов применительно к тому или иному этапу экономического и правового развития общества, мы получаем общую картину преемственности, которая в прогностических целях может быть экстраполирована на перспективу развития института версионного иска в отечественной правовой системе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гербутов В. С. Эволюция обогащения. К учению об обогащении по российскому праву // Вестник гражданского права. — 2012. — Т. 12, № 2. — С. 36–60.
2. Гримм Д. Д. Очерки по учению об обогащении. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича ; Дерпт : Тип. Шнакенбурга, 1891–1893. — Вып. 1–3.
3. Дамбаров С. Д. Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 197 с.
4. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. — XVI, 456 с.
5. Резниченко А. И. Кареев Николай Иванович // Новая философская энциклопедия. Т. 2. — М., 2001.
6. Розов Н. С. Философско-антропологические основания политико-правовой регуляции будущего миропорядка // Интелрос. — 2013. — № 2. — URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyacii-buduschego-miroporyadka.html?ysclid=l6kmefd6kg583272033 (дата обращения: 16.05.2022).
7. Рясенцев В. А. Обязательства из неосновательного обогащения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1939.
8. Советское гражданское право. Ч. 2 / отв. ред. В. А. Рясенцев. — М. : Госюридиздат, 1961. — 575 с.
9. Ушивцева Д. А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. — Тюмень : Слово, 2006. — 296 с.
10. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. — М. : Госюриздат, 1951. — 239 с.

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Gerbutov VS. Evolyutsiya obogashcheniya. K ucheniyu ob obogashchenii po rossiyskomu pravu [The evolution of enrichment. To the Doctrine of enrichment under Russian Law]. *Civil Law Review*. 2012;12(2);36-60. (In Russ.).
2. Grimm DD. Ocherki po ucheniyu ob obogashchenii [Essays on the doctrine of enrichment]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ.; Derpt. Schnackenburg Publ.; 1891–1893 Issues 1-3. (In Russ.).

3. Dambarov SD. Osnovaniya vozniknoveniya i obekty kondiktsionnykh obyazatelstv: dis. ... kand. yurid. nauk [Grounds for the occurrence and objects of conditional obligations: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Moscow; 2007. (In Russ.).
4. Kareev NI. Osnovnye voprosy filosofii istorii [The main questions of the philosophy of history]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ.; 1897. (In Russ.). XVI, 456 p.
5. Reznichenko AI. Kareev Nikolay Ivanovich. In: The New Philosophical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow, 2001. P. 217.
6. Rozov NS. Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya politiko-pravovoy regulyatsii budushchego miroporyadka [Philosophical and anthropological foundations of political and legal regulation of the future world order]. *Intelros*. 2013;2. Available at: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyacii-budushchego-miroporyadka.html?ysclid=l6kmefd6kg583272033 [Accessed: 16.05.2022]. (In Russ.).
7. Ryasentsev VA. Obyazatelstva iz neosnovatel'nogo obogashcheniya: dis. ... kand. yurid. nauk. [Obligations from unjustified enrichment: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Moscow; 1939. (In Russ.).
8. Ryasentsev VA (ed.). Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Ch. 2 [Soviet civil law]. Part 2. Moscow: Gosyuridizdat Publ.; 1961. (In Russ.).
9. Ushvtseva DA. Obyazatelstva vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya: voprosy teorii i praktiki [Obligations due to unjustified enrichment: issues of theory and practice]. Tyumen: Slovo Publ.; 2006. (In Russ.).
10. Fleishits EA. Obyazatelstva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya [Obligations from causing harm and from unjustified enrichment]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1951. (In Russ.).